

ПОХИЩЕННАЯ БАЦИЛЛА

— А вот еще, — сказал бактериолог, помещая предметное стекло под микроскоп, — препарат холерной бациллы — микроб холеры.

Человек с бледным лицом прильнул к микроскопу. У него явно не было опыта в этом деле, и он прикрыл не занятый наблюдением глаз мягкой белой рукой.

— Я почти ничего не вижу, — признался он.

— Поверните вот этот винт, — произнес бактериолог. — Возможно, надо отладить фокусировку специально для ваших глаз. Зрение у всех разное. Достаточно немного повернуть в ту или иную сторону.

— А! Теперь вижу, — сказал посетитель. — Но, по правде говоря, тут и смотреть-то особенно не на что. Маленькие черточки и точки розового цвета. И однако, эти крошечные частицы, сущие атомы, способны размножиться и опустошить целый город! Поразительно!

Он выпрямился и, вынув стекло из-под микроскопа, поднес его к окну.

— Едва видны, — сказал он, разглядывая препарат, и ненадолго умолк. — Они... живые? Они опасны сейчас?

— Они подкрашены и умерщвлены, — ответил бактериолог. — Что до меня, я бы хотел, чтобы можно

было подкрасить и умертвить все бактерии холеры, какие ни есть на свете.

— Полагаю, — заметил человек с бледным лицом, слегка улыбнувшись, — вы не стали бы держать у себя подобные препараты в живом... в активном состоянии?

— Напротив, мы вынуждены так делать, — возразил бактериолог. — Вот здесь, например... — Он пересек комнату и взял одну из нескольких запечатанных пробирок. — Здесь живая бактерия. Так мы выращиваем культуру настоящих, живых болезнетворных бактерий. — Он немного помолчал и добавил: — Бутилированную холеру, так сказать.

Бледное лицо посетителя на миг озарилось слабым светом удовольствия.

— Убийственная штука у вас в руках! — сказал он, впившись взглядом в маленькую пробирку.

От бактериолога не укрылось выражение какой-то нездоровой радости на лице визитера. Этот человек, который пришел к нему нынче днем с рекомендательным письмом от одного давнего друга, заинтриговал его тем, что был полной его противоположностью. Гладкие черные волосы, глубоко посаженные серые глаза, изможденные черты, нервные движения, острый и беспокойный интерес к увиденному — все это очень отличало посетителя от привычного бактериологу круга общения, который составляли флегматично-рассудительные ученые мужи. Так что, встретив слушателя, столь явно впечатленного смертоносным эффектом его работы, бактериолог счел вполне естественным показать последнюю с наиболее выигрышной стороны.

Задумавшись, он держал пробирку в руках.

— Да, здесь заперта эпидемия. Стоит только разбить такую маленькую пробирку над хранилищем

с питьевой водой, сказать этим крохотным живым частицам, различимым лишь в самый мощный микроскоп, да и то в подкрашенном виде, и не имеющим ни вкуса, ни запаха, — сказать им: «Вперед! Рас- тите и размножайтесь — и наполняйте водоемы!» — и смерть — таинственная и неуловимая, быстрая и ужасная, полная боли и унижения — обрушится на этот город и примется рыскать повсюду в поис- ках жертв. Здесь она разлучит жену с мужем, там — мать с ребенком, здесь оторвет государственного де- ятеля от его обязанностей, там — труженика от его забот. Она понесется по водопроводным трубам, про- крадется по улицам, выбирая дома слева и справа и наказывая их жителей, которые пьют сырую воду, проникнет в источники, используемые производителе- мями минеральных вод, проберется в салат, когда его станут мыть, притаится в мороженом. Она заляжет в водопойных корытах, поджидая домашний скот, спрячется в уличных фонтанах, где подстережет не- осторожную детвору. Она просочится в почву, чтобы вновь выйти на поверхность через родники, колодцы и тысячи других неожиданных мест. Только выпус- тите бациллу в водопровод, и, прежде чем мы сумеем изловить и вновь запереть ее, она выкосит столицу.

Он резко умолк. Ему не раз пеняли за излишнюю склонность к риторике.

— Но здесь она совершенно безопасна, знаете ли, — совершенно.

Человек с бледным лицом кивнул. Глаза его свер- кали. Он откашлялся.

— Эти негодяи-анархисты — дураки, — сказал он, — слепые дураки: метать бомбы, когда есть такая штука! Думаю...

Донесся тихий стук в дверь — кто-то легко про- шелся по ней ногтями. Бактериолог открыл дверь.

— На минутку, дорогой, — шепнула его жена.

Когда он вернулся в лабораторию, посетитель смотрел на свои часы.

— Я и не подозревал, что занял целый час вашего времени, — сказал он. — Уже без двенадцати четыре, а мне нужно было уйти в половине четвертого. Но ваши препараты вызвали у меня такой интерес! Нет, решительно я не могу больше оставаться ни минуты. В четыре у меня встреча.

Не переставая повторять слова благодарности, он вышел из кабинета, и бактериолог проводил его до наружной двери, а затем в задумчивости вернулся в лабораторию. Он размышлял о том, какой национальности его посетитель. Определенно не германец и не представитель романских народов. «В любом случае, в нем, боюсь, есть что-то нездоровое, — заключил бактериолог. — Как он уставился на эту культуру болезнетворных бактерий!» Внезапно у него мелькнула тревожная мысль. Он повернулся к стойке возле паровой ванны, потом быстро глянул на письменный стол, торопливо обшарил карманы и метнулся к двери.

— Может быть, я положил ее на стол в холле, — пробормотал он. — Минни! — хрипло прокричал он оттуда.

— Да, дорогой? — отозвался издали голос жены.

— Дорогая, когда я давеча с тобой разговаривал, у меня было что-то в руках?

Пауза.

— Ничего, дорогой, поскольку я помню...

— Катастрофа! — вскричал бактериолог, не мешкая бросился к входной двери и сбежал по ступенькам крыльца на улицу.

Услышав стук резко захлопнувшейся двери, Минни в тревоге кинулась к окну. В конце улицы худоща-

вый человек как раз сел в кеб. Бактериолог, без шляпы и в домашних туфлях, неся к нему, оживленно жестикулируя. Одну туфлю он по дороге потерял, но не остановился, чтобы подобрать ее.

— С ума сошел! — воскликнула Минни. — Это все его дрянная наука!

И она распахнула окно, намереваясь окликнуть мужа. Худощавый внезапно обернулся, и, похоже, его посетила та же мысль насчет сумасшествия. Он поспешно указал кебмену на бактериолога и что-то сказал. Хлопнул, закрываясь, кожаный фартук, свистнул кнут, зацокали лошадиные копыта, и в мгновение ока кеб и ринувшийся за ним бактериолог промчались по улице и скрылись за углом.

Минни еще с минуту стояла, высунувшись из окна, потом отошла вглубь комнаты. Происшедшее ее ошеломило.

«Конечно, он эксцентричен, — размышляла она. — Но бегать по Лондону, да еще в разгар сезона, в одних носках!..» Тут ей пришла в голову удачная идея. Она торопливо надела шляпку, подхватила ботинки мужа, выбежала в холл, сняла с вешалки его шляпу и демисезонное пальто, выскочила на крыльцо и кликнула кеб, которому как раз случилось медленно проезжать мимо.

— Поезжайте прямо, потом сверните на Хэвлок-кресент и постарайтесь догнать джентльмена в вельветовом пиджаке, без шляпы.

— В вельветовом пиджаке и без шляпы, мэм? Очень хорошо, мэм.

И кебмен стегнул кнутом лошадей с самым невозмутимым видом, словно ездил по этому адресу изо дня в день.

Несколько минут спустя кучка кебменов и зевак, столпившихся у стоянки извозчиков на Хаверсток-

хилл, с изумлением увидела, как мимо на большой скорости промчался кеб, запряженный рыжей кобылой. Они молча проводили его взглядом, а затем заговорили наперебой.

— Да это же Гарри Хикс! Какая муха его укусила? — удивился полный джентльмен по прозвищу Старый Балабол.

— А кнутом-то вовсе работает, что есть силы, — добавил мальчишка-конюх.

— Ого! — воскликнул старый Томми Байлс. — А вот и еще один сумасшедший. Разрази меня гром, если это не так!

— Это старый Джордж, — сказал Старый Балабол, — и он в самом деле везет сумасшедшего, тут ты прав. И как он только не вывалится из кеба? Уж не за Гарри ли Хиксом он гонится?

Собравшиеся у стоянки извозчиков оживились. Раздались крики: «Давай, Джордж!», «Ну и скачки!», «Ты их догонишь!», «Жми!»

— Первый явно отрывается! — произнес мальчишка-конюх.

— Чтоб мне провалиться! — вскричал Старый Балабол. — Я сейчас сам рехнусь! Еще один приближается. Как будто все кебмены в Хэмпстеде спятили нынче утром!

— На этот раз — баба, — сказал мальчишка-конюх.

— За ним гонится, — рассудил Старый Балабол. — Обычно бывает наоборот.

— А что это у нее в руках?

— Похоже на цилиндр.

— Вот потеха! Три против одного за старого Джорджа! — сделал ставку мальчишка-конюх. — Ну, кто еще?

Минни пронеслась мимо них под гром оваций. Ей это не понравилось, но она чувствовала, что исполняет свой долг, и мчалась по Хаверсток-хилл и Кэмдентаун-Хай-стрит, не спуская глаз с подвижного силуэта старого Джорджа, который неведомо куда и зачем увозил от нее бродягу-мужа.

Человек в первом кебе сидел, скорчившись в углу, скрестив на груди руки и крепко зажав в кулаке маленькую пробирку, внутри которой таилась огромная разрушительная сила. Страх и ликование странным образом смешивались в его душе. Больше всего он боялся оказаться схваченным раньше, чем успеет осуществить свой замысел, однако его смутно терзал и другой, более сильный страх — перед чудовищностью задуманного им преступления. И все же страх отступал перед ликованием. Ни одному анархисту до него ничего подобного и в голову не приходило. Слава Равашоля, Вайяна¹ и всех тех знаменитостей, которым он доселе завидовал, померкнет перед его славой. Надо лишь добраться до водохранилища и разбить пробирку над резервуаром. Как блистательно он все спланировал, подделал рекомендательное письмо, проник в лабораторию и там воспользовался случаем! Наконец-то мир услышит о нем! Наконец-то всем тем людям, которые насмеялись над ним, презирали его, пренебрегали им, предпочитая ему общество других, придется с ним считаться. Смерть, смерть, смерть! Они всегда относились к нему как к ничтожеству. Весь мир вступил в заговор с целью держать его в подчинении. Но теперь он по-

¹ *Равашоль* (наст. имя и фамилия Франсуа Клавдий Кёнигштейн; 1859–1892) и *Огюст Вайян* (1861–1894) — знаменитые французские анархисты, казненные за совершение террористических актов. — *Здесь и далее примеч. переводчиков.*

кажет им, что значит игнорировать человека. Что это за улица, которая кажется такой знакомой? Грейт-Сент-Эндрюс-стрит, конечно же! А как там погоня? Он высунулся из кеба. Бактериолог был всего в каких-то пятидесяти ярдах позади. Скверное дело! Его еще могут настигнуть и остановить. Он ощупал карманы в поисках денег и достал полсоверена. Потянулся и через окошко в крыше кеба сунул монету под нос вознице.

— Получите еще, — крикнул он, — если удастся скрыться!

Деньги тотчас выхватили у него из руки.

— Идет! — сказал кебмен.

Окошко захлопнулось, и на лоснящийся бок лошади опустился кнут. Кеб качнуло, и анархист, еще не успевший усесться обратно, ухватился рукой, в которой держал пробирку, за кожаный фартук, чтобы не потерять равновесие. Он почувствовал, как хрупкое стекло треснуло и отколовшаяся половина пробирки звякнула о дно кеба. Анархист, чертыхнувшись, откинулся на сиденье и мрачно воззрился на капли жидкости, оставшиеся на фартуке.

Он вздрогнул.

— Что ж, кажется, я стану первым. Тьфу! Как бы то ни было, я сделаюсь мучеником. Это уже кое-что. Но все-таки это жалкая смерть. Неужто она и впрямь так мучительна, как говорят?

В этот момент его посетила новая мысль. Он пошарил у себя под ногами. В отколовшейся части пробирки еще сохранялась капелька влаги, и для надежности он ее выпил. Лучше действовать наверняка. В любом случае он не проиграет.

Потом ему подумалось, что больше незачем удирать от бактериолога. На Веллингтон-стрит он велел кебмену остановиться и вышел. На подножке он по-

скользнулся — у него кружилась голова. Этот холерный яд быстро делал свое дело. Мысленно изгнав кебмена из своего бытия, анархист стоял на тротуаре и, скрестив на груди руки, поджидал бактериолога. В его позе было что-то трагическое. Сознание неминуемой смерти придало его облику некоторое достоинство. Своего преследователя он приветствовал вызывающим смехом.

— Vive l'Anarchie!¹ Вы опоздали, дружище, я выпил ваш препарат. Холера на свободе!

Бактериолог, не вылезая из кеба, с любопытством глянул на него сквозь очки.

— Выпили? Вы анархист? Теперь понятно.

Он хотел сказать что-то еще, но воздержался; в уголках его рта таилась усмешка. Он откинул фартук кеба, как будто намеревался выйти, и, увидев это, анархист сделал ему театральный прощальный жест рукой и зашагал к мосту Ватерлоо, стараясь своим зараженным телом задеть как можно больше встречающих прохожих. Бактериолог с таким интересом смотрел ему вслед, что не выказал ни малейшего удивления, когда на тротуаре возникла Минни, державшая в руках его шляпу, пальто и ботинки.

— Очень мило с твоей стороны принести мне мои вещи, — сказал он, продолжая задумчиво наблюдать за анархистом, и добавил, не отрывая взгляда от удалявшейся фигуры: — Садись-ка лучше в кеб.

Минни совершенно уверилась, что муж сошел с ума, и, взяв дело в свои руки, велела кебмену отвезти их домой.

— Надеть ботинки? Конечно, дорогая, — сказал он, когда кеб тронулся и черный силуэт горделиво ступавшего анархиста, казавшийся теперь совсем ма-

¹ Да здравствует Анархия! (*фр.*)

леньким, исчез из виду. Затем его осенила какая-то забавная мысль, и он засмеялся.

— На самом деле все очень серьезно, — заметил он. — Видишь ли, этот человек, который посетил сегодня мой дом, оказался анархистом. Нет... не падай в обморок, иначе я не смогу рассказать остальное. Не зная, кто он, я хотел его удивить и продемонстрировал ему культуру той новой бактерии, о которой я тебе рассказывал и которая, как я думаю, вызывает появление синих пятен у различных видов обезьян. И меня, дурака, угораздило брякнуть ему, что это азиатская холера. И он сбежал с нею, намереваясь отравить воду в Лондоне, и, несомненно, мог бы причинить немало неприятностей нашему цивилизованному городу. А теперь он сам проглотил ее. Конечно, я не могу сказать наверняка, что произойдет, но ты помнишь, как котенок от нее посинел, как три щенка покрылись пятнами, а воробей сделался ярко-голубым. Но хуже всего то, что придется потратить уйму сил и средств на приготовление нового образца... Надеть пальто, говоришь? В такую жару? Зачем? Потому что мы можем встретить миссис Джаббер? Дорогая, миссис Джаббер — это не сквозняк. Почему я должен носить пальто в жаркий день из-за миссис... О! Ладно, будь по-твоему.

СТРАННАЯ ОРХИДЕЯ

Покупка орхидей всегда сопряжена с известной долей риска. Перед вами сморщенный бурый корень — во всем остальном полагайтесь на собственное суждение, или на продавца, или на удачу, как вам угодно. Может, растение это обречено на гибель или уже погибло, может, вы сделали вполне солидную покупку, стоящую потраченных денег, а может — и так не раз бывало, — перед вашим восхищенным взором медленно, день за днем, начнет разворачиваться нечто невиданное: новое богатство формы, особый изгиб лепестков, более тонкая окраска, необычная мимикрия. Гордость, краса и доходы расцветают вместе на нежном зеленом стебле, и как знать, возможно, и слава. Ибо для нового чуда природы необходимо новое имя, и не естественно ли окрестить цветок именем открывшего его? «Джонсмития»! Что ж, встречаются названия и похуже.

Быть может, надежды на такое открытие и сделали из Уинтера Уэдерберна завсегдатая цветочных распродаж — надежды и, вероятно, еще то обстоятельство, что у него не было в жизни никаких других сколько-нибудь интересных занятий. Это был робкий, одинокий, довольно никчемный человек со средствами, достаточными для безбедного существования, и недостатком духовной энергии, которая

заставила бы его искать занятий более определенных. Он мог бы с равным успехом коллекционировать марки или монеты, переводить Горация, переплетать книги или открывать новые виды диатомей¹. Но вышло так, что он занялся выращиванием орхидей, и все его честолюбивые помыслы оказались сосредоточены на маленькой садовой оранжерее.

— Почему-то мне кажется, — сказал он однажды за кофе, — что сегодня со мной непременно что-нибудь случится. — Говорил он медленно — так же, как двигался и думал.

— Ах, ради бога, не говорите об этом! — воскликнула экономка, его кузина. Для нее туманное «что-нибудь случится» всегда означало лишь одно.

— Нет, вы меня неверно поняли. Я не имею в виду ничего неприятного... хотя что я, собственно, имею в виду, я и сам не знаю. Сегодня, — продолжал он, помолчав, — у Питерсов распродажа кое-каких растений из Индии и с Андаманских островов. Хочу взглянуть к ним, посмотреть, что у них там хорошего. Как знать, а вдруг я приобрету что-нибудь ценное? Может, это предчувствие.

Он протянул чашку за второй порцией кофе.

— Это растения, собранные тем несчастным молодым человеком, о котором вы мне на днях рассказывали? — спросила экономка, наливая кофе.

— Да, — ответил Уэдерберн и задумался, так и не донеся до рта кусочек поджаренного хлеба. — Со мной никогда ничего не случается, — заговорил он, продолжая свои мысли вслух. — Почему, хотел бы я знать. С другими происходит все, что угодно. Взять

¹ *Диатомея* — кремнистая водоросль.

хотя бы Харви. Только на прошлой неделе в понедельник он нашел шестипенсовик, в среду все его цыплята заболели вертячкой, в пятницу приехала двоюродная сестра из Австралии, а в субботу он вывихнул ногу. Целый водоворот волнующих событий по сравнению с моей жизнью.

— На вашем месте я предпочла бы поменьше волнений, — сказала экономка. — Не думаю, чтоб они пошли вам на пользу.

— Да, конечно, это беспокойно. Но все же... Вы подумайте, ведь со мной никогда ничего не случается. Когда я еще был мальчуганом, я ни разу не пережил ни одного приключения. Я рос и никогда не влюблялся. Так никогда и не женился. Хотел бы я знать, что испытывает человек, когда с ним случается что-нибудь действительно необычное. Этому любителю орхидей было всего тридцать шесть — он был на двадцать лет моложе меня, — когда он умер. А он был дважды женат, один раз разводился, четыре раза болел малярией и один раз сломал себе берцовую кость. Однажды он убил малайца, в другой раз его ранили отравленной стрелой. И в конце концов он погиб в джунглях от пиявок. Все это, разумеется, очень беспокойно, но зато как интересно, за исключением разве только пиявок.

— Все это не пошло ему на пользу, я уверена, — проговорила леди убежденно.

— Да, пожалуй. — Уэдерберн взглянул на часы. — Двадцать три минуты девятого. Я выеду без четверти двенадцать, времени у меня хватит. Я думаю надеть летний пиджак — сегодня достаточно тепло, — серую фетровую шляпу и коричневые ботинки. Дождя, мне кажется...

Он кинул взгляд сперва на безоблачное небо и залитый солнцем сад за окном, затем, с тревогой, на лицо кузины.

— Я считаю, все-таки лучше взять зонтик, раз вы едете в Лондон, — сказала она тоном, не допускающим возражений. — Туда и обратно дорога не очень-то близкая.

Уэдерберн вернулся под вечер в необычном для него взволнованном состоянии. Он совершил покупку. Редко случалось, чтобы он действовал решительно, но на этот раз было именно так.

— Это ванды, а это дендробии и палеонофис, — перечислял он. Глотая суп, он любовно созерцал свои приобретения. Он разложил их перед собой на белоснежной скатерти и, пока обедал, сообщал кухне всяческие о них подробности. По заведенному обычаю каждую свою поездку в Лондон он заново переживал по возвращении, что доставляло удовольствие и ему, и его слушательнице.

— Я так и знал, что сегодня что-нибудь произойдет. И вот я купил все это... Некоторые из них — я почему-то положительно убежден в этом, — некоторые из них окажутся замечательными. Ну как будто кто-то сказал мне, что будет именно так, а не иначе. Вот эта, — он указал на сморщенный корень, — не определена. Не то палеонофис, не то что-то другое. Весьма возможно, что это новый вид или даже новый род. Это как раз последний экземпляр из того, что собрал бедняга Баттен.

— Мне неприятно смотреть на это. У нее отвратительная форма.

— На мой взгляд, она пока лишена всякой формы.

— Ужасно не нравятся мне эти торчащие отростки.

- Завтра они спрячутся в горшке под землей.
 - Похоже на паука, притворившегося мертвым.
- Уэдерберн улыбался и, склонив голову набок, рассматривал корень.

— Да, признаться, не очень красивый образчик. Но об этих растениях никогда нельзя судить по корню. Может оказаться прекраснейшая орхидея. Сколько дел у меня на завтра! Сегодня вечером я должен обдумать, как мне рассадить все это, а уж завтра примусь за работу.

Беднягу Баттена нашли в мангровом болоте — не то мертвым, не то умирающим, — вскоре заговорил он опять. — Одна из этих орхидей лежала под ним, примятая его телом. Уже несколько дней перед тем он был болен местной лихорадкой, очевидно, он потерял сознание; эти мангровые болота очень вредны для здоровья. Говорят, болотные пиявки высосали из него всю кровь, всю до единой капли. Может, именно вот эта орхидея, которую он пытался достать, и стоила ему жизни.

— От этого она не кажется мне лучше.

— Пусть жены сетуют, удел мужей трудиться¹, — изрек Уэдерберн с глубочайшей серьезностью.

— Только подумать — умереть без всякого комфорта, в каком-то отвратительном болоте! Лежать в лихорадке, и ничего, только хлородин и хина, — если мужчин предоставить самим себе, они будут питаться одним хлородином и хиной, — и никого поблизости, кроме этих противных туземцев! Я слышала, что все туземцы Андаманских островов ну просто ужасны, во всяком случае, едва ли можно ждать от

¹ Цитата из стихотворения «Три рыбака» (1851) английского писателя Чарльза Кингсли (1819–1875).

них хорошего ухода за больным, раз никто их тому не обучал. И все это лишь для того, чтобы в Англии, кто пожелает, мог купить орхидеи!

— Разумеется, удобств там мало, но некоторые находят удовольствие в таком образе жизни, — сказал Уэдерберн. — Во всяком случае, туземцы, которые участвовали в экспедиции Баттена, были настолько культурны, что хранили собранные им растения, пока не вернулся его коллега, орнитолог. Хотя, правда, они дали орхидеям завянуть и не смогли объяснить, к какому виду они принадлежат. Именно поэтому эти растения меня так интересуют.

— Именно поэтому они вызывают во мне отвращение. Я не удивлюсь, если окажется, что на них бактерии малярии. Только представить себе — на этих безобразных корешках лежало мертвое тело. Боже мой, мне сначала это не пришло в голову. Нет, заявляю категорически: я больше не в состоянии куска в рот взять.

— Я приму их со стола, если хотите, и переложу на скамейку у окна. Мне их оттуда так же хорошо видно.

В течение последующих дней он действительно с головой ушел в работу — возился в своей оранжерейке с углем, кусочками тикового дерева, мохом и другими таинственными аксессуарами всякого, кто выращивает орхидеи. Он считал эти дни преисполненными событий. По вечерам он рассказывал друзьям о новых орхидеях. И снова и снова говорил о своем предчувствии чего-то необычного.

Несколько ванд и дендробий погибло, несмотря на все заботы, но странная орхидея вскоре начала показывать признаки жизни. Он был в восторге, ко-

гда обнаружил это, и тут же потащил свою кухню в оранжерею, не дав ей доварить варенье.

— Это бутон, — пояснял он, — а тут скоро будет множество листьев. А вот эти маленькие отростки — это воздушные корешки.

— Как будто из бурой массы торчат белые пальцы, — сказала экономка. — Нет, они мне не нравятся.

— Почему же?

— Не знаю. Похоже на пальцы, готовые схватить. Я не вольна в своих симпатиях и антипатиях.

— Не могу, конечно, поручиться, но, насколько мне известно, подобных воздушных корешков нет ни у одного вида орхидей. Впрочем, может, это моя фантазия. Посмотрите-ка, на концах они немного сплющены.

— Они мне не нравятся, — повторила экономка и, вздрогнув, отвернулась. — Я понимаю, это глупо с моей стороны, и очень о том сожалею, раз вы-то от них в таком восторге. Но у меня из головы не выходит этот труп.

— Но разве обязательно это то самое растение? Ведь это только мои догадки.

Она пожала плечами.

— Все равно, они мне не нравятся.

Уэдерберна слегка задело такое отвращение к его орхидее. Но это не помешало ему толковать об орхидеях вообще и об этой в частности, как только у него являлась к тому охота.

— Сколько всегда занятого с этими орхидеями, — сказал он как-то, — столько возможностей и неожиданностей. Дарвин изучал их оплодотворение и доказал, что все строение самого обыкновенного цветка орхидеи приспособлено к тому, чтобы

насекомые могли переносить пыльцу с растения на растение. Но существует множество уже известных видов орхидей, которые не могут быть оплодотворены таким образом. Например, некоторые из киприпедий — не известно ни одно насекомое, которое могло бы переносить с него пыльцу. А у некоторых орхидей вообще никогда не находили семян.

— Но как же вырастают новые цветы?

— Из усов и клубней и тому подобного. Это легко объяснимо. Непонятно другое: для чего служат цветы? Весьма вероятно, — добавил он, — что моя орхидея окажется в этом отношении совершенно необыкновенной. Если так, я буду ее изучать. Я давно уж собираюсь заняться исследованиями, как Дарвин, но все как-то не находилось времени или что-нибудь мешало. Знаете, листья уже начинают разворачиваться. Мне бы очень хотелось, чтобы вы зашли взглянуть на них.

Но она заявила, что в оранжерее слишком душно, у нее там разбаливается голова. Она видела растение уже два раза — в последний раз воздушные корешки, к сожалению, напомнили ей щупальца, которые словно бы тянутся к добыче. Они стали преследовать ее во сне: будто растут прямо на глазах и стараются ее схватить. Поэтому она решительно заявила, что больше не хочет смотреть на орхидею, и Уэдерберну пришлось одному восхищаться развернувшимися листьями. Они были обычного размера, широкие, темно-зеленые и блестящие, покрытые у основания пурпуровыми пятнышками. Ему никогда еще не встречались такие листья. Он поместил орхидею на низкую скамью под термометром, а рядом устроил нехитрое приспособление: на горячие трубы батареи капала из крана вода, и воздух вокруг

насыщался парами. Все послеобеденное время Уэдерберн теперь проводил в мечтах о приближающемся цветении странной орхидеи.

И наконец великое событие свершилось. Едва войдя в маленькое, крытое стеклом помещение, он уже знал, что бутон распустился, хотя огромный палеоофис скрывал от него его сокровище. В воздухе носился новый аромат — сильный, необычайно сладкий, заглушавший все остальные запахи в этой душной, наполненной испарениями теплице. Уэдерберн поспешил к орхидее, и — о радость! — на свисающих зеленых ветвях качались три крупных белых цветка, источавших этот одуряющий аромат. Уэдерберн замер от восторга.

Цветы были белые, с золотисто-оранжевыми полосками на лепестках; тяжелый околоцветник изогнулся, и его чудесный голубоватый пурпур смешивался с золотом лепестков. Уэдерберн тотчас понял, что это совершенно новый вид. Но какой нестерпимый запах! Как душно в оранжерее! Цветы поплыли у него перед глазами.

Надо проверить, не слишком ли высока температура. Он шагнул к термометру. Внезапно все закачалось. Кирпичный пол поднялся и опустился. Белые цветы, зеленые листья, вся оранжерейя — все накренилось, потом подскочило вверх.

В половине пятого, согласно раз и навсегда заведенному порядку, экономка приготовила чай. Но Уэдерберн к столу не явился.

«Никак не может расстаться со своей противной орхидеей, — подумала она и подождала еще минут десять. — Вдруг у него остановились часы? Надо пойти позвать его».

СОДЕРЖАНИЕ

Похищенная бацилла. <i>Перевод С. Антонова</i>	5
Странная орхидея. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	15
В обсерватории Аву. <i>Перевод Э. Березиной</i>	27
Человек, который делал алмазы <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	37
Непонятый художник. <i>Перевод Р. Померанцевой</i>	48
Страусы с молотка. <i>Перевод Т. Озерской</i>	54
Замечательный случай с глазами Дэвидсона. <i>Перевод К. Чуковского</i>	62
Потерянное наследство. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	77
Хрустальное яйцо. <i>Перевод Н. Волжиной</i>	87
Это было в каменном веке. <i>Перевод Г. Островской</i>	112
Призрак у очага. <i>Перевод С. Антонова</i>	191
Звезда. <i>Перевод Н. Крапихфельд</i>	200
Похищенное тело. <i>Перевод С. Сухарева</i>	216
Клад мистера Бришера. <i>Перевод С. Антонова</i>	240
«Новейший ускоритель». <i>Перевод Н. Волжиной</i>	254
Неопытное привидение. <i>Перевод И. Бернштейн</i>	275
Мистер Скелмерсдейл в Стране фей <i>Перевод Н. Гвоздаревой</i>	295
Правда о Пайкрафте. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	314
Волшебная лавка. <i>Перевод К. Чуковского</i>	330
Страна Слепых. <i>Перевод Н. Волжиной</i>	346